

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не уходи! Ведь так легко уходят люди...

Галина УЖОВА

Голоса лились, сплетались, стихали до мольбы, усиливались до заклинания: "Не уходи, здесь каждый звук об этом просит..." Не узнать, не вспомнить было невозможно — Беседина и Тараненко, старая запись. "Спасибо радиостанции "Маяк", — откликнулась одна из читателейниц, — Словно по сердцу погладили". "Давно не получала такого удовольствия, — позвонила другая. — Почему они больше не поют?"

Можно бы и шире поставить вопрос: почему так мало у нас дуэтов вообще? (Что-то даже классические — оперные и камерные — редко звучат, или мне показалось?).

А знаете ответ? Время такое — черствое. Дуэтов потому нет, что **согласия** мало. Недостача. Дружелюбия, взаиморасположенности, бережного внимания.

Галину Беседину и Сергея Тараненко я увидела впервые в нашем редакционном зале, где охотно соглашались выступать и знаменитости, и дебютанты, где стоял рояль, а на рояле — цветы... Сейчас на нем — толстый слой пыли, да и цел-то он потому только, что наш завхоз не нашел, кому бы его продать.

"Ты прости со мной полночью, только полночью, а ночи сегодня не будет, будет музыка"... У Галины Бесединой красота броская, яркая. Но если взглянуть, в лице нет гармонии — словно губы созданы для смеха, а глаза — для слез, и это сочетание волнует и тревожит.

Она сидит передо мною — печальный взгляд, улыбающийся рот — спрашивает:

— Действительно звонят и пишут? Не забыли?

— Радио напомнило, наверное, — отвечаю.

— Наверное. Не телевидение же. У меня нет таких денег, чтобы появиться на телевидении.

Какая знакомая мелодия! Прямо "Песня-95": концертов нет, поездки не по карману, пластинка — тем более. Чем же занят артист?

— Кто чем, — откликается Галина Ильинична. — Кто смог — ушел в рестораны. Кстати, зарабатывает больше денег. А кто не смог или не захотел — выступает бесплатно. Дает благотворительные концерты, раньше их шефскими называли. Мы с Сережей недавно пели в ЦДРИ перед ветеранами, а скоро поедем в госпиталь...

— С кем, с кем?! — перебиваю я.

— С Тараненко. Мы опять вместе.

Мои дальнейшие бессвязные восклицания можно извинить. Разрыв длиною в годы — и вдруг?..

— Не знаю пока, что у нас получится, но предчувствие радостное. Встретились — будто и не расставались.

Я желаю успеха, стучу по дереву, чтобы не сглазить. И представляю, как снова сольются голоса, какие влюбленные и проникновенные слова будут говорить друг другу двое. И слушатель, каким бы "стреляным воробьем" он ни был, не избежит вечного "обмана зрения": кажется, что этих двоих связывает многое не только на сцене — ну просто не может же быть иначе, чувства такие искренние, такие подлинные.

— Не скрою: пока звучит музыка, я его люблю. В нем чистота, культура, мягкость, душа. Но в жизни между нами — никогда, ничего, ни чуточки. В жизни у меня был совсем другой дуэт...

Нет, надо все-таки по порядку, по анкете. Родилась Галина в Ленинграде, в семье музыкантов. И мать, и отец окончили консерваторию, а дочь потянуло в драму. Уехала в Москву, поступила в Школу-студию МХАТа. С ней на курсе учились Тania Ицыкович, ныне Васильева, и Толя Васильев ("Боже, какая у них была любовь!"), Валера Хлевинский ("Тоненький, нежный мальчик — можете поверить?").

После Школы-студии "сваталась" в театр к Гончарову. Ждала ответа и, чтобы не сидеть — не томиться, зашла пока в Москонцерт, попросилась не в штат, конечно, а на "разовые". Пела то, что все тогда пели, — Окуджаву. Под собственную гитару.

И скоро познакомилась с Виктором. И началась новая эра.

— Витя мне дал все. И в человеческом плане, и в творческом. Я не знаю, кем бы, чем бы была без него.

А ведь по первости девушка ухажера категорически не поощряла.

— Виктор Андреевич, постыдились бы, вы меня на 20 лет старше. (И к тому же инвалид войны — последняя фраза вслух не произносилась, но висела в воздухе).

— Брось, Галька, — смеялся Беседин, — даже и не сомневайся! Выйдешь за меня и — у всех остальных мужики одинаковые, а я у тебя такой вот особенный, на одной ноге.

Брак вышел удачным, Виктора не покидал фронтовой юмор, их дом не покидали друзья. Народный артист Беседин был еще и народным депутатом, но и когда кончался срок депутатства, любой мог остановить его на улице, все карманы бы-

ли набиты записочками: одному требовалось помочь с жильем, другому — с лечением, третьему — с работой. Телефон перегревался от звонков.

— А сколько мы ездили! И в Надыме были первыми, и буквально весь БАМ прошли...

На севере Тюменской области и случилась их последняя совместная поездка — Виктора Андреевича хватил удар. Прямо на сцене. Ей сразу сказали — умрет. Он прожил еще пять лет. Потерявший способность двигаться, говорить, превратившийся в ребенка.

— Все эти годы одна мысль не оставляла: вдруг со мной что-то случится — машина сойдет, сердечный приступ свалит. На кого же Витя останется? Но мысли куда-то его из дома отдалить не было ни разу. Он у меня в больнице лежал всего неделю, аппендицит подозревали. Неделю за пять лет был не дома.

Я уезжала — он расстраивался ужасно. Я растопыривала, а потом загибала пальцы на руках: "Понимаешь, Витя? Вот сколько дней меня не будет, вот посчитаем пальцы вместе и потерпим, да?" Мне же надо было работать, содержать сиделку.

А потом она осталась одна. Хотя и сейчас, спустя четыре года, говорит практически только о нем. — о чем бы речь ни зашла.

Спрошу ли: "Как родился ваш дуэт?" — окажется, что Сергей Тараненко был "у Вити моего любимого" аккомпаниатором. И с Михаэлом Таривердиевым их познакомил "муж мой Витечка", а знакомство это, сотрудничество было вершиной их певческой карьеры, залогом успеха, выступлений на телевидении, на лучших концертных залах и международного лауреатства на фестивалях в Сопоте и Гаване.

— А потом в один прекрасный день Сережа хлопнул крышку рояля...

О разрыве она говорит скупой. Но понимает, что отмолчаться не получится. Ведь где бы она потом ни выступала — и на вполне приличном уровне, — из зала всегда шли записки: "Где Сергей Тараненко?"

— Я отвечала: он захотел стать солистом, теперь поет один.

Да, отношения партнеров — материя тонкая, почти непознанная. А отношения с просто аккомпаниатором — думаете, примитивнее?

Чемпион мира Юрий Власов в те времена, когда штангой он уже не занимался, а политикой еще не занимался, разъяснял мне (в интервью это не вошло, но запомнилось), что тренер тренеру рознь: один — спортсмену отец и учитель, а другой годен только чемоданчик за своим подопечным нести.

О роли аккомпаниатора мы знаем тоже малова-

то. Со сцены не видать, чем обязан солист тому, кто за роялем. Концертмейстер класса Чачавы или Ашкенази может держаться скромнее, незаметнее, чем какой-нибудь холодный сапожник, подхваченный перед концертом от безвыходности в коридоре филармонии.

— А совсем одна вы не пробовали выступать? Чтобы ни от кого не зависеть...

— Нет, хотя я и окончила музыкальное училище, фортепианное отделение, а потом еще и гитарные курсы, но не считаю, что вполне владею этими инструментами. Умение — еще не талант. Вот Владимир Соколов, мой гитарист, мы 15 лет вместе выступаем, и я все время в изумлении: до чего талантлив!

Вскоре, впрочем, выясняется, что за долгие годы музыканту приходилось делить с солисткой не только аплодисменты, но и десятки житейских, бытовых забот. "Тренер с чемоданчиком"? Нет, просто друг.

— Он мне так помогал во время Витиной болезни! И в кресле приходилось нам вдвоем Витю в лифт переносить, из лифта — в машину, вообще всю тяжелую работу Володя брал на себя безотказно. А теперь он сам болен, теперь я ему помогаю...

Сейчас дуэт рождается заново. Повторный дебют. Но — со старым багажом. Публика откликнется только на знакомое, щемящее. Любовным, элегическим, выстраданным романсам возраст исполнителей не помеха. А веселых у них что-то и раньше в репертуаре не было. Наверное, будут искать поэтов — хороших и разных, композиторов.

— Только где искать? Привыкли к хорошим стихам, прекрасной музыке: Лермонтов, Светлов, Вознесенский, Таривердиев. Высочайший пример строжайшего выбора — Елена Камбурова. Она не может поступиться, отступить. А мы можем. Придется. Когда и чего поиронее споём, ибо — где взять?

Но я не унываю. А вообще мне нравится жить! Когда мы на сцене — за эти минуты можно все отдать. Все самое лучшее из всех человеческих чувств — доброта, любовь, самопожертвование — в эти мгновения у тебя в душе.

— Куда же это потом девается? Если так открыта добру душа, актеры были бы ангелами.

— Что же, вапа правда. Вровень с искусством жить трудно, невозможно. Может быть, одна только Цветаева жила вровень со своими стихами. Но эти высшие, пусть краткие мгновения, — все равно счастье.